

Константин Чебанюк

Убийство Головахи. Письмо. От первого лица

Из сборника «По разные стороны жизни»

Смешно, Юра, в наши дни письма писать. Но странное дело: давнишние перипетии чужих судеб, довоенная история от четвертых лиц стала вдруг смущать меня, и я засел за длинное послание. Найди время, почитай как-нибудь. На досуге только, чтоб не по диагонали, как в ОГУ бывало...

Анатолий Ч. ушел из нашей школы после седьмого класса, и ты едва ли помнишь его. Но я рядом с их домом у Белого Цветка два лета сторожил за мать огурцы колхозные, и мы с Толиком и его младшей сестрой объедались ими: в сорок шестом и сорок седьмом в самый раз было, без хлеба и соли, правда. Я и в доме у них бывал, знал мать ихнюю. Всему этому больше полувека... Толик зашел вдруг ко мне с неделю назад, в День Победы как раз. Зашел не случайно: ему попались на глаза мои опусы в бывшей твоей газете, и он обращается ко мне со странной просьбой...

За забором из кашки жили у них соседи, дед Саша и бабушка Саша, супруги-тезки и однолетки. Дед Саша гордился тем, что родился в один день с Шаляпиным Федором Ивановичем, только ровно на пять лет позже. Из-за кашки иногда можно было услышать фрагмент песни об отважных людях стран полных, иногда дед Саша проходил сквозь живую изгородь на огород к Толику и давал бесплатные консультации по садоводству. Случалось и мне слушать лекции известного в околотке агрария, а иногда и рассказы о том, как ходили фонтанские на Привоз пешком, как служил он в царской армии и получил от иркутского генерал-губернатора золотой рубль за арию «Чуют правду» в солдатской самодеятельности. Как работал он в питомнике немца Роты

за бумажный рубль в день и как этого рубля не хватало бабушке Саше, чтоб скупиться на Привозе на неделю... О странноватом соседе Толика как раз и пошла речь.

Угрюмой видится мне жизнь моя в Союзе. Сплошные принудилочки и никаких *свобод*. Которыми сёдни никак не нахвалятся. К примеру, касаясь учебы. Ведь не шутка – десять лет в школу ходить. А нет – затаскают несчастных родителей. Что ни март – тебе укол под лопатку. Это весеннее поздравление скворцы приносили на крыльях. А я вот угодил как-то во вторую больницу ЧАВЗО, что у Дюковского. На ежегодном медосмотре разоблачили – и на тебе, на полгода с туберкулезом. А через погода – в санаторий на два месяца. Так не поверите, пятиразовое питание. Я тогда сдвинулся с многолетних пятидесяти кг.

В период известных предвоенных строгостей взяли деда Сашу за отравление Нельки, колхозной коровы-рекордистки. Отравил ее дед, подсыпав гвоздей в силос, – так написали куда следовало бдительные товарищи. Из тюрьмы на Парашютной возили вредителей на Энгельса, на допросы. За неделю деда измотали, и он быстро во всем сознался, хотя дура-корова гвоздей не ест – выплевывает, как слон у покойного Райкина делал. Старик сначала объяснял следователям коровьи хитрости, утверждал, что корова гвоздь ни за что не съест, обязательно выплюнет, потому что она – жвачное. Но профессионалы из ГПУ стали усаживать умника на самый краешек стула, придвигали к лицу лампочку в двести свечей и не давали спать, увозя на допросы днем и ночью. Так что животновод в три дня забыл устройство Нелькиного желудка и даже стал припоминать фамилии румынских сообщников, снабжавших его инструкциями и гвоздями...

Сидим мы с Толяном под вишнями, водяру дегустируем под свежую редисочку с лучком зеленым, и гость мой говорит все красноречивее. Круглая физиономия его раскраснелась, как когда-то, когда Ольга Павловна спрашивала его о таинственных формах немецких глаголов неправильных. Шрам его знаменитый, из-под глаза к углу скулы, белой полосой все контрастнее проступает...

– Да, Николай, – говорит Толян, а я больше помалкиваю. – Вообще-то, дед легко отделался. Лишь однажды вздумал он намекнуть на белиберду с румынами, фамилии которым сам

конструировал из соседских: Костюк – Костеску, Грбовой – Грбовеску и так далее... Но тут камерные старожилы услышали по тюремной морзянке, что «не бьют», что «отказывайтесь от прежних показаний». И на ближайшем допросе дед Саша, подписывая очередной листок протокола, спросил, понимает ли гражданин следователь, что все это ерунда на постном масле. Оказалось, что не понимает... Два тридцатилетних атлета сбили на пол шестидесятилетнего умника, потолкли малость и ножкой венского стула десять передних зубов выбили. Одним ударом. «А вообще, не били», – всегда справедливости ради добавлял дед Саша. И, сглатывая, Толик переживает спазмы в горле...

Голос изменяет Толику. Он переживает спазмы в горле и после длинной паузы добавляет, что дед всякий раз после эпизода с десятью зубами подчеркивал, что, вообще-то, не били...

– Но уцелел сосед наш, – продолжает гость мой, справившись с голосом. – Предвзятого наркома сменил нарком справедливый, справедливые подчиненные вникли в тонкости коровьего желудка и деда Сашу, за два месяца постаревшего на двадцать лет, выпустили к его окулировкам и копулировкам, к его бордоской жидкости... Дед залег в своем доме, и десятки лет слова от него никто не слышал... Только после хрущевского съезда стал он высываться, наглеть помаленьку, стал рассказывать о жизни двух дюжин мужиков в царской одиночке. И всякий раз завершал дед историю свою повестью о некоем Головахе. Человек этот был «молодой, красивый и здоровый, как лев», и не только считал себя невиновным, но утверждал, что ничего не подпишет... Скоро Головаху этого стали увозить на допросы через полчаса после возвращения в камеру, и каждый раз, возвращаясь на полчаса, сообщал он сокамерникам, что не подписал ничего и не подпишет. «Я не подпишу-у!» – давил дед Саша на связки, живописуя страшную историю, а мы с сестрою замирали в ожидании развязки давно заученного нами рассказа... И вот ночью с привычным скрежетом железа раскрылась дверь камеры, и громогласное «на Ге» разбудило спящих вповалку на цементе. И стали называть себя Горенки-Гусины-Габайдулины, но Головаха спал. Тут пнули его казенным сапогом, и он вскочил, как ужаленный, прокричал нелепое «без рук!» и ушел на последний свой допрос. Через час

приволокли его вчетвером и швырнули на спящих у входа. Головаха стонал, на тихие расспросы соседей попросил посадить себя, приподнять сорочку...

Дед Саша, видать, складно рассказывал о ежовщине: у Толика моего снова перехватывает дыхание, будто видит он черный торс избитого до смерти человека, будто сам был свидетелем расправы в застенке на Маразлиевской-Энгельса, у тихого парка культуры и отдыха имени Тараса Григорьевича Шевченко. Дождался-таки Кобзарь семьи вольной, новой на родной Украине... Толян снова берет себя в руки и завершает свой рассказ про деда Сашу...

– Утром уволокли Головаху из камеры, и скоро от парикмахера стало известно, что он умер: «Где Головаха?» – «А зачем он тебе?» – «Он мне должен». – «Плакали денежки...» Так много раз денежками, которые плакали, заканчивал дед Саша свою повесть. Опускал глаза, отворачивался и уходил. А нам жалко было старого соседа, расстроенного воспоминаниями из тридцать восьмого о гибели безвестного человека, о котором мы знали только, что был он молодой, красивый и здоровый, как лев... А незадолго до дедовой смерти, после Хрущева уже, случилось удивительное. За нашим штaketником объявилась старушка: «Скажите, А. Н. Т. здесь живет?» Я указал на калитку рядом, и старушка стала стучаться. Дед Саша не слышал. Я прошел на его сторону, крикнул в окно и пошел открыть старушке. Она стала объяснять, что ищет свидетелей гибели мужа своего, Головахи, – КГБ нужно для реабилитации. Я радостно сообщаю божьему одуванчику, что попала она по адресу и что это удивительно и замечательно...

– Нет-нет! – услышал я за спиной. – Ничего не знаю! Откуда вы все это взяли? – кричал дед из-за приоткрытой двери, и деда было не узнать.

– Дядя Саша! Это жена Головахи!

– А ты, Толька, чего здесь! Помолчи! Что ты знаешь! Кто тебя спрашивает! Молчи!.. Идите, женщина, идите. Я ничего не знаю! – и дед рванул на себя дверь...

Я повел старушку к трамваю, стал было говорить о недоразумении каком-то, предложил зайти в другой раз. Но она тихо воз-

разила мне, что это бесполезно, что ей требуется письменное свидетельство, которого от Александра Николаевича ей не получить, и что она этому не удивляется...

Несколько дней дед Саша не появлялся на огороде своем, а скоро съехал к родственникам, на Долгую куда-то. Через полгода объявились за забором новые жильцы, внучатые дедовы племянники, тоже из Туновых. От них узнали мы, что скончался дед Саша через месяц после переезда и что похоронен на люстдорфском кладбище рядом с женою и тезкой, которая много лет дожидалась там мужа...

– Кстати о смерти, Николай, – прерывает паузу Толик. – Давай выпьем, не чокаясь. Даст Бог, и нас помянут, время уже подбирает и наших сверстников.

Я стал говорить, что живому живое, но гость мой развил загробную тему:

– Я, Николай, места себе не нахожу: безвестный Головаха снится. Будто на меня бросают его после последнего вопроса...

– Да брось ты, Толян! – говорю я гостю. – Свечку поставь в монастыре на мысу. Там как раз соловьи сейчас упражняются. А не то – «откупори «Женитьбу Фигаро»...

– Нет, Кева, не до шуток, – осаживает меня Толян. – Кстати, школьное имя свое ты не забыл, я думаю?.. Я даже в КГБ звонил, мямлил невразумительно о Головахе... Предложили зайти, но мне что-то не очень: организация серьезная, а я приду дедовы байки пересказывать. Еще, говорят, форму какую-то заполнять. Не пойду... – смотрит гость мой на пустую посуду. – Но ведь надо бы рассказать как-нибудь об этом человеке, а? Как-нибудь и кому-нибудь... «Молодой, красивый и здоровый, как лев». Старушка умерла, наверное, давно, но есть же внуки, дети? Позвони ты Юрке... Может, сообщит как-нибудь или напечатает. Лучше бы в Одессе, у него же здесь куча корешей из газет... Меня только не упоминайте, или там псевдоним какой. А вот Головаха – точно запомни – настоящее имя...

По телефону много не поговоришь, вот и шлю я тебе, Юра, изложение рассказа Анатолия Ч., которого, видишь ли, «не упоминайте»...

...Ну, Город наш и державу ты напрочь забыл, занесет – не премини зайти. Или заехал бы специально, пока с этим просто. Вспомнили бы школу и храм науки. В остальном же «сестра Анна Кирилловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и все играет на скрипке... – и прочее, и прочее», – это чтоб ты не думал, что мы тут вашего нашего Гоголя забыли. Твоим привет. До скорого. Кева.

Да вот еще: я, видишь ли, тоже не очень, поменял место действия, имена некоторых героев... Так это про всяк случай...

